

Святослав Логинов

Раз, два, три, четыре

*Часть сборника
Закат на планете Земя
(сборник)*

Святослав Логинов

Раз, два, три, четыре

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129022
Кредо: Антология: Лениздат, Ленинград; СПб.; 2007
ISBN 5-289-02161-2*

Аннотация

«— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

Раз, два, три, четыре... — первые два десятка на вдохе, глубоко, с задержкой дыхания, вторые два десятка на выдохе, — пять, шесть, семь, восемь, девять, десять... раз, два, три... — Ещё один вдох-выдох, словно рефреном повторяешь куплет, и на левой руке можно загнуть мизинец. — Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Раз, два... — Губы в счёт не участвуют, лишь голосовые связки беззвучно вибрируют, структурируя воздушный ноток. Окажись кто рядом — ничего не разберёт, разве что подивится странной одышливости и решит, что гражданин йогой увлекается...»

Святослав Логинов

Раз, два, три, четыре

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять.

Раз, два, три, четыре... – первые два десятка на вдохе, глухо, с задержкой дыхания, вторые два десятка на выдохе, – пять, шесть, семь, восемь, девять, десять... раз, два, три... – Ещё один вдох-выдох, словно рефреном повторяешь куплет, и на левой руке можно загнуть мизинец. – Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять. Раз, два... – Губы в счёте не участвуют, лишь голосовые связки беззвучно вибрируют, структурируя воздушный ноток. Окажись кто рядом – ничего не разберёт, разве что подивится странной одышливости и решит, что гражданин йогой увлекается, делает особую дыхательную гимнастику. – Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... – Все пять пальцев на левой руке загнуты, и теперь их можно разгибать на каждом восьмом десятке, – восемь, девять, десять... – Десять пальцев левой руки – один палец на правой: наука несложная. Десять пальцев правой (пять сгибаний, пять разгибаний) – это уже восемь тысяч, цифра вполне солидная, её можно и запомнить. С утренней прогулки следует приносить тридцать две тысячи. Такова норма, установленная самим собой для

себя самого.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять...

Идёт человек, не торопясь, прогулочным шагом, глубоко, с присвистом дышит, проветривая лёгкие, а в уме галопирующая спешка: раз, два, три, четыре, пять... – Без прогулки тоже не обойтись, иначе не выдержишь даже отпущенного срока... – шесть, семь, восемь, девять... – Сегодня принесу с прогулки сорок тысяч. Как это мало!

– Раз, два, три, четыре, пять...

* * *

– Какой умный малыш! А считать ты умеешь?

– Умею.

– Ну-ка, посчитай!

– Раз, два, три, четыре!

– А дальше?

– Пять шесть семь!

– А ещё дальше?

– Девятнадцать!

Уголком разума понимаю, что произнёс что-то не то, но магия красивого слова заставляет произнести именно его.

– Нет, после семи будет восемь.

– Восемь!

– А потом?..

– Девятнадцать!

Чудесный возраст, три года – каждый день экзамен, и это ничуть не кажется мучительным. Большинство людей эту пору забыли и лишь теоретически предполагают, что когда-то им было три года. А я – помню. Мысли, ощущения, чувства – всё сохранилось в памяти. Я и сейчас тот же самый, трёхлетний, просто поверх изначального меня, словно слои вокруг луковичной сердцевинки, наслоились прожитые годы. Всяких умений и привычек стало больше, уровень информированности вырос, но я остался прежним. Никогда не сознаюсь в этом, кажется стыдным объявить, что внутри немолодого вальяжного дядьки прячется трёхлетний мальчуган, не умеющий считать до десяти.

Отлично помню: тихий час в детском саду, за окном яркий солнечный день. Я лежу на раскладной кровати, гляжу в потолок. Спать совершенно не хочется. Медленно считаю про себя: “Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь...” – и вдруг понимаю, не вспоминаю, а именно осознаю, что после семи действительно идёт восемь! Я умею считать до восьми! Теперь повзрослевший я понимаю – это был великий шаг в душевном развитии. До трёх и курица считать умеет, а до восьми не может сосчитать ни одно животное. Все числа более семи требуют абстрактного мышления, даром именно семёрка так часто встречается в пословицах и поговорках.

Магия цифр, эти слова стали чуть ли не языковым штампом, а ведь никакой магии цифр нет и быть не может. От-

крытие позднего времени: цифр не бывает, как не бывает бабы Яги, деда Мороза и господ бога! Что такое четыре? Может быть четыре яблока, и некто может попытаться взять у вас два яблока из этих четырёх. Но просто “четыре”? Как это взять? Нонсенс! Но тогда, в пору золотого детства верилось, что есть “один”, и “два”, и “четыре”. Именно вот так, “четыре” безо всего. Недаром математика так схожа с богословием; обе науки оперируют чистыми абстракциями, которых на самом деле не существует.

В деда Мороза я перестал верить в очень нежном возрасте, а вот в цифры веровал долго, поскольку в арифметике виделась некая завораживающая стройность.

– Сначала говорили “один-на-десять”, – поучал старший брат, – а потом само собой получилось “одиннадцать”... После двадцати – двадцать один, двадцать два... после тридцати – тридцать один, тридцать два...

Только еретическое число “сорок” чуть-чуть портило идеальную картину натурального ряда. Да, по совести говоря, и не портило оно ничего, как не портит юную девушку родинка над губой. Вот когда девушка станет старухой, а родинка превратится в волосатую бородавку... Но до этого ещё так далеко! А пока наслаждение счётом затмевает всё остальное.

К нам приходят гости и, разумеется, происходит неизбежное:

- Какой умный мальчик! А считать ты умеешь?
- Умею.

– И до сколько?

– До сколько угодно!

– Ну-ка сосчитай до тысячи!

– Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать...

На исходе третьего десятка гость говорит:

– Молодец, спасибо, хватит!

– ...двадцать девять, тридцать, тридцать один, – считаю я.

– Всё, всё, больше не надо!

– ...сорок один, сорок два, сорок три...

Гость встаёт и выходит на кухню. Я иду следом.

– ...шестьдесят два, шестьдесят три...

Родители приказывают мне замолчать. “Заставь дурака богу молиться”, – произносит отец любимую поговорку.

Возвращаясь в комнату, залезаю под стол, чуть слышно шепчу:

– ...сто двадцать пять, сто двадцать шесть, сто двадцать семь...

До тысячи я досчитал лишь на следующий день, когда никаких гостей уже не было. Но всё равно досчитал, вспомнил, на чём остановился с вечера, и упорно продолжил счёт. Я умею считать до сколько угодно; гостю было угодно до тысячи – нате вам тысячу! И впрямь, заставь дурака богу молиться, он себе лоб разобьёт.

За завтраком не посчитаешь: жевать и твердить цифры совершенно невозможно. Лучше побыстрее проглотить яичницу, залпом выпить тёплый чай и приступить к счёту, ни на что не отвлекаясь.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять...

Дома не нужно загибать никаких пальцев, на столе лежат старые конторские счёты с чудом сохранившейся наклейкой: “Моссовнархоз. Назарьевская фабрика культтоваров. Счёты торговые 11-прутковые. Артикул МО-105 31. Сорт 1. Цена 2 руб. 50 коп.” И подпись упаковщицы: “Хи...” – а дальше неразборчиво. Теперь достаточно досчитать до десяти и откинуть на счётах костяшку на втором снизу прутке.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять...

Слова сливаются, слышны уже не звуки, а сплошной шелест:

– Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять...

Прогулочные сорок тысяч на счётах не отложены, а записаны на отдельной бумажке, сберегаются на сладкое.

Сегодня суббота, вторая из четырех суббот, оставшихся в жизни. Значит, нора выходить из дому. Заранее решено

– выходные посвящены выбору. В будний день люди едут на работу, лица у всех серые и ничего, кроме отвращения, не вызывают. К тому же будний день сепарирует людей по социальному положению. Сначала на работу едет пролетариат, потом совслужащие, которые остались совслужащими, несмотря на пятнадцать лет торжества капиталистической идеи. Потом ещё кто-то, и ещё... волнами. И неважно, хороший ты человек или дурной, пьянь голимая или звучишь гордо, но если работаешь на заводе, то едешь в общей толпе, из которой ничей взгляд тебя не вычленит. Выходные делают людей по их привычкам и душевным качествам. Кто-то дрыхнет до полудня, их я просто не увижу, кто-то киряет с пятничного вечера, их опухшие физиономии определяются с полувзгляда, так что ничего им от меня не отломится. А есть те, кто рано встаёт, вот им-то и подаёт... не бог, конечно, а я.

– Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять...

Еду в трамвае, дышу по-йоговски. Счёт – это святое, он с выходными не считается. Единственная разница с прогулкой – каждые восемь тысяч отмечаются мелкой монеткой, которую я сую в ботинок. Старая, ещё советских времён привычка. В прошлое воскресенье натёр ногу, столько копеек оказалось в ботинке. Хорошо...

В вагон сходят трое: он, она и оно – дитя, сидящее в кенгурушке на папиной груди. У родителей за спиной чудовищно-

го вида рюкзаки. Всё ясно, собрались на пленэр, куда-нибудь под Выборг, на скалы. Раньше, небось, ездили налегке, а с ребятёнком приходится волочить кучу всего. Папаша худой, нескладный, физиономия, как говорится, чуть краше чёрта. В другое время в толпе на него бы и глазом не покосил, а сейчас парень во всей красе! Мама, ещё не избавившись от рюкзака, заглядывает – как там любимое чадо? А парень с гордой снисходительностью любит свои дамами (почему-то я уверен, что в кенгурушке сидит девочка).

Век бы радовался на эту семью, но всё же, сначала, без движения губ выдыхаю: “Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять...” – и лишь затем чётко произношу в уме: “Да! Все трое, вот эти!” – а затем отворачиваюсь, чтобы картина чужого спокойного счастья не отвлекала, не сбивала со счёта.

– Раз, два, три, четыре...

Интересно, что бы сказали эти ребята, если бы узнали? И вообще, спас я их только что или всего лишь обрёл на горшие муки, нежели предстоят остальным, на ком не остановился мой взгляд? Восемь тысяч счастливых или, напротив – бедолаг. Кажется, я не успею отобрать их. Пока ещё и тысячи нет, а осталось всего две недели.

Вылезаю на Удельной, покупаю ненужный мне билет, прохожу на платформу. Ехать я никуда не собираюсь, но без билета теперь на платформу не пройдёшь. Такая специализированная борьба с зайцами. Ну и пусть их, всё равно денег

на оставшиеся две недели хватит с лихвой, да и тратить их некогда, всё время занято.

— Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять...

Время летнее, самое что ни на есть курортно-туристическое. Платформа полна народа. В этом направлении почти нет садоводств, едут либо богатые дачники и курортники — этих отбраковываю беспощадно — либо туристы и игровики под Выборг и в сосновые леса Кирилловского. Без особого восторга отбираю несколько десятков человек, исключительно молодые пары. Простой расчёт: у таких больше шанс выжить и оставить потомство. Не знаю почему, но для меня это важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.